

ИСТОРИЯ КИТАЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. В. МЕЛИКСЕТОВА

ГЛАВА IV

СОЗДАНИЕ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДИНАСТИИ ЦИНЬ И ХАНЬ

1. Возникновение и крах империи Цинь

Именно теперь, в конце длительной эпохи Чжоу, на заключительном этапе периода Чжаньго в Поднебесной (конкретные очертания которой к этому времени практически слились с Чжунго, ибо принципиальная разница между цивилизованными срединными царствами и полуварварской периферией в основном исчезла) начали вырисовываться контуры единой империи. Эту империю, формирование фундамента которой заняло почти тысячу лет, нельзя назвать скороспелой. Напротив, основные ее механизмы и детали были тщательно продуманы и в своей совокупности почти идеально соответствовали как полуутопическим проектам поколений мудрецов-реформаторов, так и некоторым генеральным социологическим закономерностям политогенеза.

Речь идет в первую очередь о том, что, если вспомнить теории «азиатского» (государственного) способа производства, — перед нами на глазах складывающаяся гигантская машина хорошо продуманной бюрократической администрации в рамках все увеличивающейся за счет завоеваний империи. Опирающийся на принципы власти-собственности и централизованной редистрибуции аппарат бюрократической администрации этой империи уже готов был взять в свои руки все рычаги абсолютной власти. Но как этими рычагами распорядиться? И именно здесь столкнулись две параллельно совершенствовавшиеся модели древнекитайского общества.

Сразу стоит заметить, что многое в этих моделях было однотипным и достаточно адекватно отражало реалии позднечжоуского Китая. Для обеих была характерна концентрация власти в руках правящих верхов, используя привычные марксистские термины, — государства-класса, который твердо стоял над всем остальным обществом, намереваясь управлять им в его же собственных (но прежде всего, конечно, в своих) интересах. Вопрос был лишь в том, как управлять. И в этом пункте словесные споры помочь не могли. Решить проблему могла только практика исторического процесса.

Практика же вначале явно была на стороне силы, легистского кнута в рамках циньской модели.

Именно военные успехи Цинь положили начало превосходству этого царства над другими. Возрастание его военной мощи восходит к реформам Шан Яна, смысл и цель которых как раз и сводились к тому, чтобы за счет усиления жесткой административно-бюрократической власти и предоставления льгот земледельцам создать условия для военно-политической экспансии. Результаты реформ (которые столь поразили посетившего Цинь в начале III в. до н.э. Сюнь-цзы) сказались на военных успехах. Наибольшие достижения в этом плане связаны с полководцем Бай Ци, который в середине III в. до н.э. одержал над соседними царствами ряд решающих побед, завершившихся неслыханными жестокостями. Так, например, после сражения под Чанпином в 260 г. до н.э. все четыреста тысяч воинов царства Чжао были казнены (цифра столь невероятна, что подчас ставится исследователями под сомнение).

Успехи Цинь, как упоминалось, вызвали отчаянную попытку уцелевших царств создать коалицию, вертикаль — цзун (включающую все царства от северного Янь до южного Чу), против западного Цинь. Коалицию поддержал и дом Чжоу. Но было уже поздно. Противники Цинь один за другим терпели поражение. Рухнул и дом Чжоу, а девять треножников — символ власти сына Неба — перешли к Цинь. Уже в 253 г. до н.э. именно циньский ван вместо чжоуского сына Неба принес в своей столице очередную официальную жертву в честь небесного Шанди. На этом, собственно, формально и кончилась эпоха Чжоу. Однако завершающие удары, окончательно сокрушившие соперников Цинь в борьбе за империю, пришлось на последующие десятилетия и были связаны с именем и деятельностью последнего правителя царства Ин Чжэна, будущего императора Цинь Ши-хуанди (259—210 гг. до н.э.).

Став у власти в 246 г. до н.э. в 13-летнем возрасте, он вначале опирался на помощь главного министра Люй Бувэя (Сыма Цянь приводит легенду, согласно которой Ин Чжэн был сыном наложницы, подаренной его отцу этим Люем, делая намек на сомнительное происхождение императора), но затем решительно отстранил его от должности и назначил на нее легиста Ли Сы, уже упоминавшегося ученика Сюнь-цзы. Ли Сы оказывал большое влияние на молодого правителя, и некоторые специалисты не без основания считают, что именно его, а не Ин Чжэна следует считать подлинным создателем империи Цинь.

Судя по имеющимся данным, Ли Сы был решителен и жесток. Он оклеветал своего талантливую соученика Хань Фэй-цзы, блестящего теоретика позднего легизма, которому явно завидовал, и тем самым довел его до гибели (впоследствии, прочитав сочинения Ханя, Ин Чжэн сожалел, что заключил его в тюрьму, где тот, по преданию, принял яд, полученный от Ли Сы).

Ин Чжэн и Ли Сы продолжили успешные войны с соперниками на востоке. В 230 г. до н.э. было уничтожено царство Хань, в 225 г. — Вэй, в 223 г. — Чу, в 222 г. — Чжао и Янь, а в 221 г. — Ци. После этого вся Поднебесная оказалась в руках Ин Чжэна. Он основал новую династию Цинь и стал именовать себя первым ее правителем (Ши-хуанди, Первый священный император). Собственно, именно этот 221 год до н.э. и поставил точку на периоде Чжаньго с его соперничеством царств и кровопролитными войнами. Естественно, что перед новым императором сразу же стал вопрос, как управлять добытой им в боях империей.

По совету Ли Сы Ши-хуанди решительно отверг идею создания уделов для своих близких, на чем настаивали советники, уважавшие традицию. И это легко было понять — удельная система вполне доказала свою деструктивность в периоды Западного Чжоу и Чуньцю, так что возродить ее при стремлении к жесткой централизации не было ни смысла, ни необходимости. Что же касается традиций, то Ши-хуан готов был пренебречь ею. Взамен император создал стройную апробированную шанъяновским легизмом систему централизованной администрации. Он ликвидировал привилегии наследственной знати, насильственно переместив около 120 тыс. ее семей из всех царств чжоуского Китая в свою новую столицу с тем, чтобы оторвать аристократов и потомков прежних правителей от родных мест, лишить связи с бывшими подданными и тем ослабить этот наиболее опасный для его власти социальный слой. Вся империя, была разделена на 36 крупных областей, границы которых не совпадали с очертаниями прежних царств и княжеств, а во главе этих областей были поставлены губернаторы — *цзюньшоу*. Области в свою очередь были поделены на уезды (*сянь*) во главе с уездными начальниками, *сяньлинами* и *сяньчжанами*, а уезды — на волости (*сян*), состоявшие из мелких административных образований — *тинов*, по десятку деревенок-общин *ли* в каждом из них.

Все должностные лица империи, будь то чиновники на уровне *тинов*, *сянов*, *сяней* или *цзюней*, работники центральных ведомств или цензората-прокуратуры, имели соответствующие административные ранги, свидетельствующие о месте и статусе их обладателя. Если низшие из этих рангов могли иметь обычные простолюдины, то средние, начиная с 8-го, принадлежали только чиновникам, получавшим за свою службу жалованье из казны, а высшие (19 и 20-й ранги имели считанные единицы) предполагали даже право на кормление. Прокуроры в этой системе администрации обладали особым статусом и исключительными полномочиями. Они были своего рода личными представителями императора, обязанными внимательно следить и правдиво докладывать ему обо всем, что происходит в стране. Тем самым система шанъяновских доносов была реализована в общегосударственном масштабе. Впрочем, вне зависимости от государева ока вся масса чиновничества была по шанъяновским же рецептам повязана круговой порукой с взаимной слежкой

и наказанием за недонесение, с ответственностью поручителей за их провинившихся протеже.

В империи были отменены административные распоряжения и указы, действовавшие до того во всех царствах и княжествах, а взамен было введено новое жесткое законодательство. Суть этого законодательства (опять-таки по-шаньянски до предела элементарная) сводилась к беспрекословному подчинению распоряжениям начальства под страхом суровых наказаний за малейшую провинность. Была введена новая система мер и весов, унифицированы денежные единицы (главной из них стала круглая медная монета с квадратным вырезом и именем правящего императора на лицевой стороне, сохранившаяся с тех пор до XX в.), меры длины (полуверста — *ли*) и площади (*му*). Вместо усложненного чжоуского письма было введено упрощенное (*лишу*), в основных своих параметрах сохранившееся до XX в.

Весь административный аппарат страны, призванный следить за проведением в жизнь нововведений и осуществлять управление на всех уровнях, имел ряд важных привилегий, в частности освобождался от налогов и повинностей и хорошо оплачивался. Для лучшего контроля за ним была введена двойная система подчинения: чиновники на местах подчинялись как начальникам более крупных территориально-административных объединений, в которые они были включены, так и министрам и чиновникам соответствующих центральных ведомств, с требованиями которых они обязаны были считаться (как, впрочем, и с требованиями и указаниями цензоров-прокуроров). Военные подразделения также были включены в общую административную схему и лишены обособленности, которая могла бы излишне усилить власть их руководителей. Стоит заметить, что сразу же после создания империи Ши-хуанди приказал собрать во всех царствах оружие (имелось в виду оружие из бронзы, лучшее из того, чем обладали армии) и свезти его в столицу, где из него были отлиты колокола и массивные статуи. Жест этот, несомненно, имел символический характер, ибо вообще-то император придавал оружию, как и армии, огромное значение.

Следуя легистским нормам, Цинь Ши-хуан поощрял земледельческие занятия. Все крестьяне империи получили наделы земли, налоги и повинности были достаточно умеренными, во всяком случае на первых порах, а земледельцы имели даже право, как уже упоминалось, на административные ранги — это придавало им престиж, вызывало уважение со стороны односельчан, а также давало шанс при выборах на должность старейшин (*саньлао*) и т. п. Ремесла и торговля, имевшие уже в основном частный характер, хотя и продолжавшие обслуживать потребности двора и казны, не пользовались открытой поддержкой властей. Однако их и не преследовали, как к тому в свое время призывал Шан Ян. Напротив, наиболее богатые из ремесленников и торговцев могли стать откупщиками, налаживать производство руды, соли или вина, правда, под контролем властей. Контролировались и цены на важнейшие продукты питания, прежде

всего на зерно. Была создана сеть государственных мастерских, куда отбирались для выполнения трудовых повинностей на определенный срок лучшие мастеровые, умеющие изготавливать оружие или иные высококачественные изделия, необходимые для все расширявшихся престижных потребностей верхов.

В рудниках, на строительстве дорог и иных тяжелых работах, включая строительство столицы с ее сотнями роскошных дворцов и мавзолеем для императора, а также на сооружении Великой стены использовались как рядовые подданные, обязанные нести трудовую повинность, так и порабощенные за преступления, коих было весьма много. Миллионы преступников, мобилизованных крестьян и ремесленников ежегодно направлялись на эти стройки, особенно на север, где возводилась стена. Существовавшие там и прежде валы, возводившиеся правителями северных царств Чжунго против набегов кочевников, были перестроены, соединены воедино и превращены в облицованную камнем гигантскую стену с башнями, бойницами и воротами именно при Ши-хуане, за десять с небольшим лет. За эти же годы была отстроена сеть стратегических дорог, соединявших столицу с далекими окраинами империи. Сам император ездил по ним с инспекционными поездками, устанавливал время от времени в различных районах империи стелы, на которых записывал свои деяния и заслуги.

Заметим, что в целом легистская система административных реформ и методика их осуществления давали эффект, причем достаточно быстрый и наглядный. Империя преобразовывалась очень быстро, обретая безусловный Порядок, но не слишком-то заботясь при этом о внутренней Гармонии. Пожалуй, именно в этом и было ее слабое место. Конфуцианцы и иные оппоненты императора много и открыто критиковали его за отказ от традиций, жестокость наказаний, небрежение к тем самым духовным потенциям нравственности и добродетели, которые были едва ли не главным в учении Конфуция и во многом соответствовали уже сложившейся ментальности и основам мировоззрения жителей Поднебесной. Император агрессивно реагировал на критику. В 213 г. до н.э. он приказал сжечь все древние книги, в 212 г. — казнить 460 наиболее активных оппонентов. Это усилило ненависть к нему. На Ши-хуана совершались покушения, он боялся спать дважды в одном и том же дворце и не сообщал, где намерен провести следующую ночь.

Ненависть к новым порядкам и их живому олицетворению Ши-хуану усиливалась, по мере того как первые результаты реформ, давших экономический эффект, стали перекрываться дискомфортом, вызывавшимся армейско-казарменными порядками в стиле Шан Яна, к которым подавляющая часть населения Поднебесной не привыкла. Отправление на строительство Великой стены воспринималось в стране как ссылка на каторгу, откуда мало кто возвращается. Длительные войны против сюнну на

севере и во вьетских землях на юге тоже были чем-то вроде бессрочной ссылки.

По мере нехватки средств в казне поборы с населения увеличивались, что вызывало протесты. Недовольство жестоко подавлялось, виновные — будь то критикующие конфуцианцы или бунтующие крестьяне — сурово наказывались. Средств для строительства и войн требовалось все больше, взять их можно было только лишь за счет увеличения налогов и трудовых повинностей. И налоговый гнет беззастенчиво увеличивали, не считаясь с тем, вынесет ли его и без того обездоленный народ. К тому же жестокость по отношению к конфуцианцам и конфуцианству лишила людей даже не столько права апеллировать к традиции, сколько духовного комфорта. В результате порядок без гармонии обратился в экстремистский произвол, в своего рода беспредел, способный вызвать лишь отчаяние и толкнуть на крайние меры ради поправленных принципов и идеалов.

Как легко заметить, циньская модель централизованного государства, воплощенная в жизнь стараниями Ши-хуана и Ли Сы, заметно отличалась от конфуцианской в стиле идеальной схемы Чжоули. Если у конфуцианцев огромную роль играли патернализм и постоянная мелочная, даже навязчивая забота управляющих верхов об управляемых низах, к которой чжоусцы за долгие века в определенной мере привыкли и которая санкционировалась традицией, то здесь все было иначе. Конечно, справедливости ради следует заметить, что и в легистской схеме Цинь Ши-хуана было определенное место для традиции, опиравшейся именно на конфуцианские ценности: чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть помещенные в шестой главе сочинения Сыма Цяня тексты стел, в которых есть немало рассуждений на тему о гуманности и справедливости, даже о деяниях древних мудрецов.

Иными словами, циньский император был в какой-то мере причастен к идее синтеза конфуцианства и легизма, пусть даже в наиболее близкой к жесткому легизму форме. И все же от такого синтеза у Ши-хуана остались в основном только стереотипные фразы. Что же касается конкретных дел и тем более стратегии строительства империи, то здесь легистская административная модель предстала в своем наиболее бесчеловечном варианте.

Это хорошо видно на примере всей деятельности императора, который явно недостаточно понимал и, главное, практически не учитывал традиционную социально-психологическую ориентированность своих подданных. Фразы из стел, обращенные к потомкам, никак не влияли на смягчение политики, где преобладал безусловный административный диктат и практически не было места привычному для людей традиционному конфуцианскому патернализму. Умело выстроенный Ши-хуаном и Ли Сы гигантский аппарат бюрократической администрации давил на подданных. Тех же, кто критиковал императора, Ши-хуан гневно ставил на место, а то и безжалостно казнил.

Все это и привело к краху империи. Пока был жив Ши-хуан, никто не смел, да и не мог всерьез противостоять аппарату государственного принуждения. Но после его смерти (в 210 г. до н.э.) ситуация резко изменилась. Унаследовавший трон Эр Ши-хуанди не только не обладал способностями, характером и авторитетом отца, но и вообще едва ли годился в правители (сам Ши-хуан перед смертью завещал передать власть критиковавшему его порядку старшему сыну, чего Ли Сы и другие приближенные сделать не захотели). В результате империя вступила в период придворных интриг и политической неустойчивости, что в свою очередь придало силы оппозиции двора императора. Начались восстания. Их по-прежнему жестоко подавляли, но сил на это уже не хватало. В стране быстрыми темпами росло недовольство. Испуганный Эр Ши-хуан попытался было прибегнуть к казням сановников и приближенных, наиболее ненавистных народу и опасных трону и лично ему. Но империи уже ничто не могло помочь.

Осенью 209 г. до н.э. вспыхнуло восстание Чэнь Шэна, за ним начались другие. Эр Ши-хуан объявил большую амнистию в Поднебесной, стал мобилизовывать войска против повстанцев. Были сокращены расходы на дорогостоящие стройки, обвинены в преступлениях и казнены еще некоторые видные сановники, включая и Ли Сы. Но, несмотря на все усилия, движение восставших ширилось и набирало силу. Во главе его стал Сян Юй, выходец из бывшего царства Чу. Евнух Чжао Гао, сменивший Ли Сы в качестве главного советника императора, попытался было взять власть в свои руки. По его приказу Эр Ши вынужден был покончить с собой. Однако вскоре во дворце был закат и сам Чжао Гао. Циньский двор агонизировал, и вскоре династия Цинь прекратила свое существование.

Тем временем у Сян Юя объявились соперники, сильнейшим из которых стал выходец из крестьян Лю Бан. Длительная междоусобная борьба завершилась победой Лю Бана, который и стал основателем новой династии Хань.

История гибели династии Цинь поучительна и заслуживает специального внимания. Как известно, эта тема интересовала многих, начиная с современников событий. Так, в шестую главу труда Сыма Цяня, посвященную жизнеописанию Цинь Ши-хуанди, включено эссе Цзя И, касающееся причин падения, казалось бы, могущественной империи, просуществовавшей менее 15 лет. Цзя И упрекал Ши-хуана за излишнюю самоуверенность, жестокости и бесчинства, осуждал его за отказ внимать критике и исправлять ошибки. Он считал, что недовольство и восстание народа в такой ситуации были неизбежны. По его мнению, отказ от традиций, пренебрежение ими в конечном счете стали причиной краха Цинь.

Можно во многом согласиться с Цзя И. Но более важно обратить внимание на то, что империя Цинь стала в истории Китая своего рода гигантским социально-политическим экспериментом.

Это был триумф жесткого легизма, неожиданно продемонстрировавшего в момент наивысшего своего торжества всю его внутреннюю слабость. Казалось бы, — вот она, желанная цель! Страна объединена и усмирена, враги повержены, народ пользуется благами эффективных экономических реформ, империя почти процветает. Правда, для окончательного торжества нужны еще некоторые усилия — необходимо достроить столицу с ее 270 дворцами и пышным мавзолеем, нужны стратегические дороги, Великая стена для защиты от набегов и демонстрации величия империи. Необходимы и дорогостоящие военные экспедиции против варварских племен на севере и юге, дабы все знали о Цинь и трепетали. При этом легистских правителей империи не смущало то, что народ не привык к резко изменившемуся образу жизни, что новые стандарты противоречат укоренившимся традициям, а первые экономические результаты оказались съедены непосильными последующими затратами и расходами жизненных сил подданных империи.

Нельзя не считаться с тем, что период Чжаньго подвел Поднебесную к объединению. Справедливо и то, что институционально, с точки зрения создания работающей административной схемы гигантского государства, наибольший вклад в объединение Поднебесной внесли именно легисты. Собственно, благодаря легизму и реформам Шан Яна укрепилось царство Цинь, сумев одолеть своих соперников и основать империю. Естественно, что эта империя стала легистской и что это был триумф легизма.

Однако легизм в его шаньяновской форме был оправдан и принес полезные плоды в отсталом царстве Цинь середины IV в. до н.э., т.е. в стране, где еще не было ни больших городов, ни развитой частной собственности и торговли, ни сколько-нибудь заметной интеллектуальной традиции. Те немногие конфуцианцы, которые посещали Цинь или жили там во времена Шан Яна, не играли заметной роли в жизни полуварварского общества, еще достаточно равнодушного к традициям Чжунго. Неудивительно, что Шан Ян открыто третировал их, именуя паразитами за то, что они не занимались полезным физическим трудом.

Но с тех пор многое изменилось, в том числе и царство Цинь, где во второй половине III в. до н.э. уже существовала частная собственность и были достаточно развиты торговля, города и даже интеллектуально-культурные традиции. Еще больше в этом плане изменились государства других частей чжоуского Китая, особенно Чжунго, где ремесла и торговля, города и частная собственность, интеллектуальная жизнь и игра мысли, подчас весьма тонкая и изощренная, давно уже стали нормой. И все это многообразие жизни Цинь Ши-хуан и Ли Сы хотели подчинить своим жестким легистским законам.

В отличие от конфуцианской традиции, которая гармонично впитывала в себя нововведения и, более того, придавала им обогащенный высоконравственной традицией приемлемый для всех облик, легизм

относился к иным доктринам резко отрицательно. Он отвергал все то, что зарождалось в соответствии с духом этической традиции конфуцианства, что вписывалось в эту традицию и обогащало интеллектуальный потенциал Поднебесной. Тем самым легизм помимо его жесткости и бесчеловечности становился откровенно реакционным. Он откровенно отрицал все новое и не соответствовавшее его нормам. Он не любил неожиданностей, ибо они были для него опасны, не терпел замечаний и тем более критики со стороны оппонентов, ибо это подрывало прочность его позиций. То есть, в тех условиях, которые уже сложились в Китае к концу Чжаньго, легизм оказался нежизнеспособным.

Это утверждение может показаться резким — ведь сумел же Ши-хуан добиться многого за немногие годы его власти. Достаточно вспомнить о Великой стене! Но на это есть четкий ответ: жестокий режим способен на многое, но ценой невероятного напряжения сил, ценой жизни поколения. Однако крайность никогда не может стать нормой. Любой экстремизм неизбежно порождает ответную реакцию, причем достаточно быстро. Общество не выносит длительного перенапряжения. Релаксация же в обществе легистского типа означает крушение всего того, на чём держится жесткость легизма. А коль скоро основы рушатся, гибнет и все остальное. В этом и заключается главная причина краха вроде бы сильной и великой империи. В этом и проявилась нежизнеспособность легизма, который неизбежно должен был быть заменен иной структурой, более мягкой, человеческой и потому жизнеспособной. Такой структурой в Китае стала конфуцианская империя — империя Хань.